
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.42

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – КАК ОСНОВА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.В. Дятлов, Д.А. Гугуева

Южный федеральный университет

E-mail: avdyatlov@yandex.ru, gudiv@yandex

В статье проведен анализ формирования единой европейской идентичности в рамках Европейского союза. Рассматриваются подходы к определению национальной и европейской идентичности у таких теоретиков, как Бенедикт Андерсон, Юрген Хабермас и др. Авторы предприняли попытку описать основные функции идентичности, а также выделить основные маркеры идентичности, которые способствуют замене национальной идентичности на европейскую для граждан ЕС и способствуют ее распространению.

Ключевые слова: национальная идентичность, европейская идентичность, региональная идентичность, факторы идентичности, Европейский союз, нация, федерализм, национальная принадлежность.

NATIONAL IDENTITY AS THE BASIS OF EUROPEAN IDENTITY

A. V. Dyatlov, D. A. Gugueva

Southern Federal University

E-mail: avdyatlov@yandex.ru, gudiv@yandex

The article analyzes the formation of the united European identity within European Union. The approaches to definition of the national and European identities are considered from the perspective of such theorists like Benedict Anderson, Jurgen Habermas etc. The authors made an attempt to describe the main functions of identity, as well as to mark out the main markers of identity, which contribute to substitution of the national identity for the European one for citizens of EU and contribute to its spread.

Keywords: national identity, european identity, regional identity, the factors of identity, European Union, nation, federalism, national identity.

В середине XVII в., по итогам тридцатилетней войны в Европе был подписан Вестфальский трактат, представлявший собой два взаимосвязанных мирных договора. Для исследователей данный мирный трактат интересен тем, что закрепил новый принцип формирования государств, а именно на смену империям, которые были объединены по территориальному прин-

ципу, пришли государства, объединенные по национальному принципу. Именно с этого момента можно начинать изучение национальных идентичностей Европейских государств. Однако, как мы знаем, историческое развитие общества – циклично, именно поэтому сейчас перед исследователями стоит задача – изучение новой, европейской идентичности. Говорить о новой, общеевропейской идентичности стало возможно после объединения европейских стран в Европейский союз, первые шаги к появлению которого были сделаны уже после окончания Второй мировой войны.

ЕС был задуман как проект наднационального или антинационального государства, и эта «новая наднациональная идентичность» должна была вытеснить прежние французские, немецкие и итальянские идентичности.

Для того чтобы понять суть проблемы становления европейской идентичности, необходимо обратиться к идентичности национальной. В первую очередь следует отметить, что существуют различные аспекты, рассмотрев которые можно проанализировать проблему национальной идентичности. С учетом заявленной проблемы исследования соотношение национальной и европейской идентичности анализ национальной идентичности будет ограничен причинами ее возникновения, способами, которыми она была сформирована, и основными структурными элементами, участвующими в ее создании. Для этого проведем сравнительный анализ между моделями национальной и европейской идентичности.

Исследовательские основания, которые оправдывают анализ этих двух моделей идентичности, связаны с предположением, что национальная идентичность представляет собой основание для изучения наднациональной европейской идентичности и что выделение сходств и различий между ними может помочь сформировать особенности последней. Сравнение этих двух типов коллективной идентичности представляет собой интерес и для проверки предположения, что процесс построения европейской идентичности по существу следует схеме, которая схожа или близка к используемой в построении национальной идентичности.

В обоснование этого утверждения Деланти (Delanty Gerard) отмечает, что динамика создания европейской идентичности ничем не отличается от процесса формирования региональной идентичности из национальной в XIX в. [6]. В этом направлении идут и рассуждения Бо Страта (Bo Strath), согласно которому европейская идентичность часто рассматривается вместе с национальной идентичностью или в качестве ее альтернативы, которая могла бы заменить или дополнить национальную идентичность. Структура национальной идентичности «сконструирована» на основе европейской идентичности, проекция которой для нее имеет идеологические основы [16].

Такое сходство создаваемых моделей можно проследить по артефактной природе идентичности. С точки зрения национальной идентичности, это означает, что она вторично конструируется из некоторых общественных групп, а не, как настаивают националисты, является естественной принадлежностью к единственной подлинной человеческого сообщества – нации. В обоснование этого утверждения можно отметить, что в результате деконструкции нации, которую осуществляют Гелнер (Gellner Ernest) и Хобсбаум (Hobsbawm Eric), они определяют ее как искусствен-

но созданный политический и социальный продукт современности. По их мнению, конструирование такого типа объединения обусловлено заменой монархической и религиозной легитимации государства с суверенитетом народа [12].

Эта линия рассуждения может быть продлена тезисом Андерсона (Anderson Benedict), который утверждает, что можно определить в антропологическом духе нацию как «воображаемую политическую общность» [1]. «Воображаемость» исходит из того факта, что несмотря на то, что ее члены не знают своих сограждан, в каждом из них живет представление о своей общности. Гелнер понимает нацию как придуманную в смысле сфальсифицированную и обманчивую, однако предполагает существование «реальных» общностей. Андерсон выступает против такого понимания и привносит радикальный тезис, что все общности, которые больше, чем примитивные поселения и в которых отсутствуют непосредственные связи между их членами, являются воображаемыми. Для него термин «общество» является абстрактным.

Преднамеренное политическое конструирование европейской идентичности может вписаться в ракурс заданной Хобсбаумом формулы конструирования национальной идентичности – «национализм предшествует нациям». Перифразированная реплика Массимо Д'Азельо (d'Azelo Massimo), изреченная им вскоре после создания итальянского государства Мацини (Mazzini Giuseppe) в XIX в., но уже в европейском контексте будет звучать следующим образом: «Мы создали Европейский союз, давайте теперь создадим европейцев» [8]. Отличие европейской ситуации, по сравнению с Деланти, заключается в том, что европейская идея не отображает эмоциональную привязанность национальной идеи и конструирует свою идентичность по линии новых модусов жизни – еда, реклама, туризм, спутниковое телевидение и в целом формулирует идентичность в духе идеологии технократии.

Для целей нашего исследования нет необходимости в более подробном рассмотрении вышеизложенного утверждения, умоляющего дополитический характер нации. Смысл в том, чтобы изложить тезу, что национальная идентичность воспринимается как политический сконструированный феномен, гарантирующий единство определенных групп людей. На этой основе может быть представлена и проверена теза о европейской идентичности, как о следующей схеме создания национальной идентичности в качестве их политических артефактов. Хабермас непосредственно ставит вопрос, почему искусственно созданные условия для проявления национального сознания невозможно транспонировать и на уровень ЕС. Он обрисовывает линейную структуру, начиная от локальных и династичных обществ и проходящих через национальные и демократические и в итоге доходящую до наднациональной и постнациональной демократии. Тем самым он утверждает артефактный характер национальной идентичности, аргументируя тезис о том, что гражданская солидарность между незнакомыми людьми может быть установлена не только в границах нации [5].

Хотя нельзя отрицать их взаимосвязанность, следует различать эти две тезы – об общих моментах между национальной и европейской идентичностью и о сходстве между нациями и национальными государствами

как политическими образованиями и европейской нацией, и Европейским союзом как сверхдержавой.

В поддержку второго тезиса может быть приведена существующая в политическом и академическом пространстве критика европейского федерализма, в соответствии с которым федералисты за Европейскую федерацию и связанную с ней систему парламентской демократии на европейском уровне, общий рынок и общеевропейскую политику в сущности предполагают создание европейской нации. Как обобщает Махант (Mahant Edelgard) – канадский политолог и специалист по вопросам европейской интеграции, в 50–60 гг. XX в. создание и развитие европейской общности часто ассоциируется с национальными государствами, в то время как сторонники идеи объединенной Европы хотят увидеть ее как Объединенные европейские штаты, которые подобно Соединенным Штатам, Канаде, Германии и Италии объединяют существовавшие до того отдельные административные единицы [6]. Среди ученых, которые выступают за этот тезис одну из главных ролей играет Карл Дойч (Deutsch Karl), попытавшийся применить модели формирования современных национальных государств к отношениям, складывающимся в объединенной Европе [7].

Аналогичная позиция, однако, не имеет никаких серьезных научных аргументов, поскольку, и это будет показано далее в тексте, даже самые амбициозные стратегии создания европейской идентичности не нацелены конкурировать с уже существующими национальными, а европейская общность, по крайней мере на данный момент, жаждет получить не статус новой сверхдержавы или супернации, а статус «конфедерации государств». Эту позицию разделяет Хаас (Haas Ernst), согласно которому Европейское сообщество «есть в своем роде» наднациональная система, которая не должна имитировать и следовать схеме национальных государств [8].

Несмотря на то, что тезис о создании европейской нации трудно защитим и остался вне поля настоящего исследовательского интереса и федералисты официально отрицают подобную цель, определение характера и способов, по которым конструируется национальная идентичность, могли бы эксплицировать потенциальный образец, по которому или вопреки которому моделируется европейская коллективная идентичность. Учитывая фундаментальную роль, которую сыграло одноименное исследование Смита (Smith Anthony) в анализе национальной идентичности, а также некоторые из его тезисов, которые касаются европейской идентичности, в предстоящем сравнении двух типов коллективной идентификации его концепция имеет приоритетное значение.

Дефиниция национальной идентичности, которую предлагает Смит в «Национальной идентичности», определяется как «многомерная конструкция, которая включает специфический язык, специфические чувства и символику», которые выражают ее сущность как комплексную, абстрактную и заимствовавшую элементы из других разновидностей коллективной идентичности – этнической, культурной, территориальной, экономической, политико-правовой и т.д. Среди фундаментальных черт национальной идентичности велика роль исторической территории или отечества, общие мифы и исторические воспоминания, общая массовая культура, общие

юридические права и обязанности всех членов, общая экономика и территориальная мобильность [2].

Такое определение характеристик национальной идентичности открывает широкое поле для сравнения и даже выявления общего с европейской идентичностью. Дальнейшее исследование, однако, выявляет и некоторые более детальные, но и более существенные различия, а также особенности европейской идентичности.

Рассмотрим среди вышеупомянутых знаковых признаков национальной идентичности исторические воспоминания, которые характеризуют тип отношения в *прошлом* при конструировании и утверждении национальной идентичности. По словам Смита, возврат к прошлому осуществляется через серии мифов – о происхождении и родстве, об освобождении и миграции, о Золотом веке с его героями и мудрецами, о богоизбранном народе, который теперь должен возродиться и т.д. Хотя национальное строительство основывается на общих планах процветания и развития нации, оно одновременно с этим черпает мощную легитимность из объединяющего фактора общего или воображаемого прошлого. Такой тип представления национальной идентичности с точки зрения прошлого осуществляется по линии национальных лидеров, национальных героев, территориальной принадлежности и т.д. как эталонов для идентификации. Здесь могут быть учтены ссылки на извечную принадлежность национальной общности, национальному духу и сущности и т.д. как «расширенное прошлое», которое простирается вне времени.

В этой связи следует отметить, что есть разница в использовании прошлого как ресурса для сплочения в обоих процессах конструирования коллективной идентичности – национальной и европейской. Рассматриваемая через призму европейской идентичности эта связь указывает на одно принципиальное различие в стратегии строительства новой континентальной идентичности. Хотя традиционно «старый свет» несет бремя прошлого (достояние истории) в большей степени, чем «новый свет» – Соединенные Штаты Америки, Канада и Австралия, даже несмотря на то, что есть ссылки на общеевропейскую историю (например, Карл Великий и др.), имеют статус отдельных акцентов в рамках целостной стратегии ЕС. Таким образом, дискурс о разделяемых ценностях является приоритетным за счет традиционного эксплуатирования риторики национальной идентичности об общем прошлом.

Исторически сложилось так, что одной из возможных причин смены европейского фокуса с националистического акцента на ценности, является тот факт, что прошлое гораздо чаще разделяло, чем объединяло европейцев и вряд ли оно сможет сыграть роль функционального объединителя.

В то же время через призму социально-политического контекста направленность европейской идентичности к будущему за счет прошлого является адекватной для ЕС в качестве его продукта поздней современности. Преобразование временных ориентаций в направлении будущего, согласно Беллу (Bell Daniel), происходит на различных уровнях современного общества в целом. Футуристическая интенция находит свое отражение в политическом, экономическом, социальном и личном планировании – от плановой политики правительства, через общественную заботу о будущих потреб-

ностях (источники капитала, динамика рынка и т.д.) к развитию карьеры индивидуума как его «удостоверению личности» [5].

Стоит отметить, что сдвиг в акцентах на современную идентичность – от традиции, прошлого, авторитета, разума [5] – к самосознанию через собственный выбор имеет свои интеллектуальные корни. Дистанцирование современного видения общественного самосознания от наследования к легитимизации через принцип конструирования можно уложить в традицию экзистенциальной философии. Это можно рассматривать как движение от экзистенциальной предмодернистской идентичности к экзистенциальной свободе выбора «ранее пустовавшего места» и созданию новых смыслов.

Тема отношений «свой–чужой» может быть расширена и отмечена разницей в ракурсах, через которые воспринимаются эти отношения в рамках национальных государств и ЕС. Национальное строительство у первых образует национальную культуру и политическую идентичность, которые четко и недвусмысленно отделяют их от соседей. В рамках ЕС, напротив, строится общность, в которой соседние и часто враждовавшие в прошлом культуры стремятся отыскать общую историю, политические и экономические интересы, вокруг которых мобилизуется общая идентичность. Так Союз расширяет не только границы «своей» территории, но и в силу своей многокультурной природы осуществляет трансформацию в отношении и отличает – «чужой» от «другого».

Другой важный момент различия – это специфический *язык*, который отличает субъектов одной национальной идентичности от другой. Для Андерсена язык – это символ национальной принадлежности, подобно флагу, народным танцам и как таковой он имеет возможность создавать воображаемые сообщества, создавая воображаемую солидарность между соотечественниками. По его словам, два последствия капитализма – книгопечатание и использование повседневного языка как языка власти – являются одними из основных источников национального сознания [1]. Учитывая важную роль языка в формировании национального сознания, далее для целей нашего исследования будет прослежена параллель национальных языков в рамках ЕС.

По информации официального портала данных ЕС по языкам, английский является самым распространенным языком в ЕС в качестве первого или второго языка, но недавние исследования, которые представлены там, показывают, что по-прежнему менее половины населения ЕС достаточно хорошо могут говорить на нем. Хотя есть и аргументы в пользу тезиса, что английский язык все глубже проникает во все сферы жизни общества в качестве *lingua franca*, это не частная европейская тенденция, в которой можно увидеть связь с европейской идентичностью, а скорее глобальный процесс, происходящий и за пределами Европы. Доминирование английского языка наблюдается во всем мире. Началось оно после окончания Второй мировой войны и связано с укреплением роли Соединенных Штатов Америки на мировой арене. Именно тогда английский язык и вытеснил французский как дипломатический в международной политике (теперь английский является единственным рабочим языком большинства органов ООН), международной торговли, авиации и т.д. Следовательно, можно сделать вывод, что засилье использования английского языка не связано непосредственно

с европейской идентичностью, потому что это наदेвропейский феномен и еще потому, что недостаточен процент европейцев, активно использующих этот язык, для того, чтобы он был признан в качестве официального языка в Европе.

Среди других возможных кандидатов – немецкий, наиболее разговорно-родной в ЕС, испанский и португальский языки – наиболее разговорные в мире и французский язык, который является официальным или одним из официальных языков в трех государствах-членах ЕС. Ни один из них, однако, не может претендовать на эксклюзивную предназначенность в рамках ЕС и с совпадением функции национального языка по отношению к национальной идентичности.

Подобная лингвистическая аналогия между национальной и европейской идентичностями невозможна в первую очередь по причине стратегии, которой придерживается ЕС – продвигать европейское мультязычное пространство, которое на сегодняшний день включает двадцать три официальных языка. Эта единственная в своем роде мировая политика официального многоязычия как сознательно принятый инструмент управления, аргументирующая, что таким образом она способствует прозрачности, законности и демократии в ЕС. Общественность имеет право знать, что и как делается от ее имени, и граждане должны иметь возможность играть активную роль без необходимости изучения иностранных языков. Кроме того, мультязычие призвано стимулировать межкультурный диалог, солидарность и взаимопонимание среди европейцев в ЕС.

Несмотря на то, что Европейский союз ищет интеграцию на европейском уровне, он способствует языковому и культурному разнообразию своих народов. Это достигается путем поддержки преподавания изучения нескольких языков. Европейский союз стремится укоренить формулу «родной язык + 2» и увеличить долю многоязычных европейцев. Сравнение, приведенное в исследовании Евробарометра в 2005 г., показывает, что около 26 % европейцев свободно говорили на двух языках помимо своего родного языка. А спустя два года, в 2007 г., Евростат сообщил об увеличении этого показателя на 2 %, т.е. 28 % взрослого населения европейских государств заявили, что они в совершенстве владеют по меньшей мере двумя иностранными языками. Что касается более свежих данных, то по результатам исследований в 2015 г. английский язык стал самым популярным для изучения в школе, и количество выбравших его для изучения составило 76,8 % [16].

В связи с конструированием европейской идентичности, европейские институты внедряют и продвигают различные *символические* элементы: ЕС имеет свою собственную столицу (Брюссель), гимн, флаг, валюту, гражданство, паспорта, день празднования и т.д. и можно расценить это как маркеры европейской идентичности. В этой связи Деланти подвергает критическому анализу символы ЕС, заявляя, что эмблемы и лозунги, которые находятся в процессе создания и распространения новой официальной европейской культуры, являются плодом «придуманной традиции» европеизма.

Сравнительный анализ может быть продлен в отношении *специфических чувств*. В рамках ЕС предпринимаются попытки разработать европейскую солидарность или гордость. Согласно статистики в 2009 г. евро-

пейское большинство по-прежнему чувствует свою принадлежность не столько к континенту, сколько к своему национальному государству. Основываясь на этих эмпирических данных, очевидно, что эмоциональная приверженность к европейскому пространству по-прежнему недостаточна.

В других случаях европейская идентичность воспринимает и более успешно развивает элементы национальной идентичности. Например, согласно Хобсбауму национальное государство дает своим гражданам новую идентичность за рамками отождествления с ролями аристократа, буржуа или крестьянина, что делает возможными общие для всех граждан *юридические права и обязанности*, которые связаны с новым правовым порядком и демократическим управлением [4]. ЕС продолжает и усиливает тему демократии, которая приобретает широкий отклик с зарождением национальных государств, добавляя среди своих приоритетов дискурс за права человека.

И наконец, часть характеристик аналогичным образом представлена Смитом в обоих видах культурной идентичности. Например, характерная для национальной идентичности *общая экономика и территориальная мобильность* граждан реализуется и в рамках ЕС. Один из основополагающих принципов сообщества, который является основой общего рынка, это четыре свободы движения – рабочей силы, товаров, капитала и услуг. Таким образом, строится общее экономическое пространство государств-членов, где экономические агенты могут свободно действовать при соблюдении правил Европейского законодательства.

Говоря об идентичности, необходимо в первую очередь проанализировать ее функции. Параллель может быть продлена между «внешними» и «внутренними» функциями, которые использует национальная идентичность, если проследить степень, в которой они соотносятся с функциями европейской идентичности. Пример такой политической функции национальной идентичности, по словам Смита, – легитимизация общих юридических прав и обязательств, которые определяют специфические ценности и особенности нации. Общие европейские ценности были кодифицированы в обязательные нормы в рамках ЕС.

Интересный момент, который необходимо отметить, связан с преемственностью между народными обычаями и нравами, которые, как утверждает Смит, в идеале должны быть отражены в национальных ценностях и идентичности. С одной стороны, трудно проследить подобные параллели, открывающие общий характер европейской народной традиции в многонациональной и поликультурной Европе, которые нашли выражение в конструирующейся европейской идентичности. Такой опыт систематизации ценностей противопоставляется обилию разнообразных национальных, религиозных, этнических, культурных и других атрибутов граждан ЕС. В отличие от национальных ценностей, сообщества являются не столько отражением любого унаследования общеевропейской народной практики, сколько сознательным формулированием демократических принципов.

С другой стороны, несмотря на вторичное конструирование, оно приходит на основе общеевропейского опыта. В политическом плане этот опыт возникает от постоянных войн и конфликтов старого континента. В культурно-историческом отношении – это общее интеллектуальное наследие (традиции в области идей), образовательный и рациональный

пафос и т.д. Негативный и конструктивный общий опыт определяет фундамент, из которого формируются идеи для общеевропейских ценностей. В Европейской Конституции последние сформулированы так: демократия, равенство, верховенство права, человеческое достоинство; уважение к обществу, основанное на плюрализме; солидарность, толерантность, отсутствие дискриминации, сохранение культурного и языкового разнообразия и т.д.

Другое основание для сравнения, но уже по отношению к *внутренней функции* коллективной идентичности проходит по оси «индивид–государство». Функция национальной идентичности относительно принадлежащих ей субъектов заключается в социализации их как граждан и представителей нации. Подобная задача свойственна и европейской идентичности, но если при идентификации с нацией государственная власть стремится навязать конкретную однородную культуру с помощью системы обязательного, стандартизированного и всеобщего образования, то официальная политика ЕС стремится реализовать принципы распознавания и сохранения культурной самобытности и уникальности отдельных наций, входящих в ее состав.

В то же время следует отметить, что с помощью формализации все больших областей частной и общественных сфер Брюссель задает «свою» культуру либерального типа, которая воспринимается как универсальная, даже когда она входит в противоречие с культурными традициями религиозных или этнических общностей, представленных в каком-либо из государств-членов ЕС. В этом направлении также движутся рассуждения и наблюдения И. Крастева, болгарского политического аналитика: «Отношения национально-европейской идентичности все еще находятся в субординационной асимметрии, вместо того чтобы взаимно обогащаться в условиях равноправного взаимодействия» [11].

Разграничения, на которых акцентирует внимание Смит в «Национальной идентичности» двух моделей национального строительства – гражданского («бокового» или «западного») и этнического («вертикального» или «восточного»), позволяет еще более точно провести сравнительный анализ двух типов коллективной идентичности.

Прежде чем рассмотреть более подробно идеальную типологию Смита, следует отметить одно фундаментальное различие между этнической и гражданской национальной и европейской идентичностью. Если предмодернистские этнические связи являются основой (фундаментом) для создания современных наций и национальных государств, то в ЕС уже встала мысль о создании, о новом этапе построения исторической, политической, экономической и социальной структуры. Будучи «постмодернистским» конструктом, объединение создается на основе, уже построенной в современных национальных государствах, расположенных в Европе. Поэтому возможное применение схемы, которая используется в двух типах идентичности – «модерне» и «постмодерне», может быть полезной в изучении новой европейской идентичности, но не может быть абсолютизирована, поскольку мы говорим о двух разных контекстах и феноменах.

Вторым замечанием, которое должно быть сделано до проведения сравнительного анализа, является то, что рассматриваемые Смитом модели

коллективной идентичности, это два теоретически идеальных типа, которые не могут быть в целом представлены в эмпирическом виде конкретной идентичности, в частности европейской. Кроме того, европейская идентичность, выражающая принадлежность к союзу гетерогенного характера, не соответствует полностью ни одной из двух моделей, но при этом она демонстрирует элементы гражданской идентичности, как будет обосновано ниже.

Гражданская модель нации, преимущественно пространственная или территориальная. Нация должна иметь компактную и четко определенную территорию (народ и принадлежащая ей территория), а отечество становится хранилищем исторической памяти и ассоциаций – пейзаж становится священным, таким образом, нация обеспечивает своих членов «моральной географией» [9]. Западная модель включает в себя концепцию *patria* (отечество), которая может проявляться через строго централизованные и единые институты и законы (послереволюционная Франция) или через федеральные институты и законы, направленные на сохранение местной или провинциальной идентичности, и выражать общую волю и политические чувства (Соединенные Штаты Америки, Соединенные провинции Нидерландов). Понятие *patria* включает в себя также и ряд других элементов, которые можно найти и на уровне ЕС – общий правовой кодекс, который стоит выше местных законов и перед которым все члены сообщества равны, общие ценности и традиции, разделяемые населением или, по крайней мере, его «ядром», или, по словам Смита, нации необходимо иметь «определенный объем общей культуры и гражданской идеологии, сеть общих верований и желаний, чувств и представлений, которые связывают население с его отечеством» [2].

Важно отметить, что в отличие от этнической модели, гражданская не рассматривает ценности как существующие априори и отражающие субстанциональную связь между членами и обществом. В гражданской нации ценности являются предметом договоренности и дальнейшей социализации через образование и массовую культуру.

В ЕС наблюдается аналогичная гражданской модели схема и договорной характера в процессе определения европейских ценностей. Демонстрация последнего это спор о включении исторических христианских корней Европы в преамбулу проекта Европейской Конституции. По существу, эта дискуссия пересматривает наследие христианских европейских ценностей, а новые маркеры таковы, что коррелируют адекватнее светский и мультикультурный характер ЕС. Общая формулировка, согласно которой Европейский союз имеет полное знание о «своем культурном и моральном наследии», есть договоренность как необходимый компромисс, отвечающая более адекватно нынешним целям объединенной плюралистической Европы, в которой более тесная привязка к религиозной конфессии может породить конфликт между религиозной (или светской) идентичностью некоторых граждан сообщества и их новой европейской идентичностью.

Сторонники теории этнической модели нации, примордиалисты, для которых нация (соответственно и этническая) существует в природе вне времени. Когда речь идет о «биографии» наций, Андерсон утверждает, что принцип формирования сознания через повествование применяется как по

отношению к отдельным лицам, так и к современным нациям [1]. Согласно его представлению об идентичности, персональность возникает в результате отчуждения, возникшего в результате глубоких изменений сознания.

Этническое понимание нации характеризуется фиксированностью культурных моделей. Если гражданский тип идентичности разворачивает отношения «человек – нация» как выбор, то этнический ее интерпретирует как принадлежность к органической, биологической обусловленности. В этом смысле могли бы быть получены два типа концептуализации национальной идентичности (и в более глобальном плане и коллективной идентичности вообще). Согласно первой (ссылающейся на гражданскую идентичность) она может рассматриваться как *социально-сконструированная* и предполагающая идентификацию с политической общностью и принадлежащими ей институтами и порядком (такая политическая общность может быть государством или ЕС). Согласно второй (касающейся этнической идентичности) она воспринимается как *природная* и происходящая из общей истории, культуры и исконной принадлежности, идентифицирующей к данной группе, которая их связывает эмоционально.

На основе обеих концепций о нациях и национальной идентичности, которые были прослежены выше, можно сделать вывод, что сходство между конструирующейся в рамках ЕС коллективной идентичностью и схема, по которой создается национальная идентичность, может быть прослежена в гражданской модели, которая предполагает, что нации и культурные идентичности, которые следуют из них, имеют свое начало и конец. В контексте этой интерпретации европейская общность, которая имеет явно фиксированную начальную дату – Римский договор, подписанный шестью странами Западной Европы в 1966 г. и последующей необходимостью создания общего поля идентификации, которое интегрирует европейцев в этой новой экономической и политической структуре, сможет реконструироваться в схожее национальное строительство и гражданскую национальную идентичность.

В заключение можно резюмировать, что изучение национальной идентичности началось при том понимании, что она будет рассматриваться как наиболее фундаментальная и всеобъемлющая. Ввод ее в контекст формирующейся европейской идентичности, однако, вызывает ряд вопросов, в первую очередь – возможно ли европейской идентичности как более глобальной альтернативы взять ее функции? Анализ такого поляризованного отношения между двумя типами культурной идентичности является скорее превентивной мерой, чем реалистичным опасением. Это подтверждается тем фактом, что ЕС не приобретает статус сверхдержавы, чтобы оспаривать суверенитет национальных государств, ни быть супернацией, при которой была бы выявлена опасность потери национальной идентичности европейцев.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 333 с.
2. *Смит Э.* Национальная идентичность. М.: Основы, 1994.

3. *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии (1998) // Политические работы. М.: Праксис, 2005. 151 с.
4. *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. M.: Canon-press-C, 2001. 333 p.
5. *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976. P. 400.
6. *Delanty G.* Inventing Europe: Idea, Identity, Reality. UK: Palgrave MacMillan, 1995. 187 p.
7. *Deutsch K.* Political community and the North Atlantic area. International organization in the light of historical experience. Princeton: Princeton University Press, 1968.
8. *Eisenstadt S.* The Construction of Collective Identities. Some Analytical and Comparative Indications. European Journal of Social Theory, 1 (2), 1998. P. 229–254.
9. *Haas E.B.* The Uniting of Europe. Stanford: Stanford University Press, 1958.
10. *Habermas Jürgen.* Post-national constellation and the Future of Democracy (1998) // J. Habermas political work. M.: Praxis, 2005. 151 p.
11. *Hall S.* Minimal selves. In Identity: The real me. BCA Document 6, London: Institute for Contemporary Arts, 1987.
12. *Hobsbawm E., Gellner E.* Nations and nationalism since 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
13. *Mahant E.* Foreign policy and European identity. History of European Ideas. Vol. 21 (4).
14. *Smith A.* National Identity. M.: Osnovi, 1994.
15. *Strath B.* Europe and the Other and Europe as the Other. Bruxelles: P. I. E.-Peter Lang.
16. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 01.02.2017 г.).

Bibliography

1. *Anderson B.* Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranении nacionalizma. M.: Kanon-press-C, 2001. 333 p.
2. *Smit Je.* Nacional'naja identichnost'. M.: Osnovy, 1994.
3. *Habermas Ju.* Postnacional'naja konstelljacija i budushhee demokratii (1998) // Politicheskie raboty. M.: Praksis, 2005. 151 p.
4. *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. M.: Canon-press-C, 2001. 333 p.
5. *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976. P. 400.
6. *Delanty G.* Inventing Europe: Idea, Identity, Reality. UK: Palgrave MacMillan, 1995. 187 p.
7. *Deutsch K.* Political community and the North Atlantic area. International organization in the light of historical experience. Princeton: Princeton University Press, 1968.
8. *Eisenstadt S.* The Construction of Collective Identities. Some Analytical and Comparative Indications. European Journal of Social Theory, 1 (2), 1998. P. 229–254.
9. *Haas E.B.* The Uniting of Europe. Stanford: Stanford University Press, 1958.
10. *Habermas Jürgen.* Post-national constellation and the Future of Democracy (1998) // J. Habermas political work. M.: Praxis, 2005. 151 p.
11. *Hall S.* Minimal selves. In Identity: The real me. BCA Document 6, London: Institute for Contemporary Arts, 1987.
12. *Hobsbawm E., Gellner E.* Nations and nationalism since 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
13. *Mahant E.* Foreign policy and European identity. History of European Ideas. Vol. 21 (4).
14. *Smith A.* National Identity. M.: Osnovi, 1994.
15. *Strath B.* Europe and the Other and Europe as the Other. Bruxelles: P. I. E.-Peter Lang.
16. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (data obrashhenija: 01.02.2017 g.).